

Прогнав тех младшеклассников, Юэ Чэн посмотрел на лежащего на земле маленького лисёнка. Его некогда ярко-рыжая шерсть испачкалась, к тому же на ней осталось какое-то подобие воды, а мордочкой он уткнулся прямо в землю и, казалось, лишился чувств. Впрочем, нельзя было исключать, что он просто заснул.

Вот ведь. И это чудо ещё заявляло, будто оно небожитель. Небожители что, все такие бесполезные? Тяжело вздохнув, Юэ Чэн одной рукой подхватил лисёнка, в другую взял соевый соус и поплелся домой.

Эх, в конце концов всё равно пришлось вернуться. Поставив соевый соус на стол, Юэ Чэн принёс таз с водой, собираясь искупать лисёнка.

Если бы он тогда не вышел за соевым соусом, даже страшно представить, что стало бы с этим парнем.

Он с величайшей осторожностью принялся очищать тело малыша. В отличие от прошлого раза, когда тот устроил здесь настоящий кавардак, на сей раз лисёнок вёл себя донельзя тихо — возможно, из-за того, что был без сознания.

Добравшись до нижней части тела, и Юэ Чэн невольно предался раздумьям. Этот лис ведь ещё даже не до конца вырос, верно? Там всё такое крошечное...

Абсолютно не подозревавший о том, что его бессовестно облапали, Ху Ли снова открыл глаза и вновь уперся взглядом в лицо Юэ Чэна.

— Ой-ё-ё-ё-ёй! — испуганно завопил Ху Ли. — Быть не может! Я... я почему до сих пор здесь? И почему снова превратился в человека?

— С чего бы мне знать... — перевернувшись на другой бок, Юэ Чэн собрался спать дальше. Сегодня ведь выдался редкий выходной.

— Эм... Ты же вроде выгнал меня?

— Снова притащил обратно.

— Тогда... почему я опять обернулся человеком?

— Это у себя самого спроси. Наверное, из-за того, что поспал.

— Но...

— Да брось ты, молодой господин... Ты сжёг фоторамку моей матери, а я ведь даже слова не сказал, просто притащил тебя обратно. Неужели нельзя дать старику вроде меня выпасться?

— Ох...

Ху Ли молча лег обратно, глядя на спокойную позу заснувшего рядом мужчины. На душе было как-то странно. Разве он не прогнал его? Зачем тогда снова притащил к себе? Неужели хочет сделать своим рабом?!

Долго вглядываясь в потолок широко раскрытыми глазами, Ху Ли наконец уловил движение: мужчина рядом явно собирался встать. Ху Ли рефлекторно зажмурился. Он почувствовал, как кровать качнулась — Юэ Чэн тихонько приподнялся и набросил на Ху Ли ещё одно одеяло.

Невесомая, перьевая мягкость укрыла его с головой. И хотя божественная конституция не позволяла ему простудиться, от столь неожиданной нежности сердце Ху Ли дрогнуло. Этот мужчина...

Шаги за дверью тоже стихли — кто-то мягко удалился из комнаты. Только тогда Ху Ли открыл глаза и снова уставился на потолок.

Странно. Они ведь знакомы всего один день, с чего бы ему так хорошо к нему относиться? Неужели у него есть какой-то скрытый умысел? Какой-то грязный секрет? Вряд ли же? Ху Ли снова вспомнил те сериалы, что смотрел от скуки в Небесном Дворе, — там вечно всё было пропитано интригами и прочей дрянью. Неужели он и сам влип во что-то подобное?

Донесшийся из прихожей аппетитный запах заставил Ху Ли вздрогнуть. М-м-м, как вкусно! Больше ни о чём не раздумывая, он камнем сорвался с кровати и поплыл на заманчивый аромат.

— Проснулся? — Юэ Чэн как раз вынес тарелку свинины с личи, всем своим видом воплощая образ идеального семьянина.

— Угу. — Он опустил голову и принюхался к тому, что стояло на столе, чувствуя, как у него мгновенно разыгрался аппетит. Помедлив немного, он выдавил из себя тибухание: — Эм... Спасибо тебе за вчерашнее.

— Забей. Пустяки. Мне что, трудно было лису подобрать?

— Угу. И ещё... Вчера я сжёг твою рамку для фотографий... Приношу извинения.

— А вот это уже не пустяки.

Над ним мгновенно сгустилась зловещая тень, заперев его в кольцо.

— Эм... — Встретившись взглядом с этими неожиданно серьёзными глазами в упор, Ху Ли просто отказывался верить, что перед ним тот самый мужчина, который только что тискал его со словами какая прелесть, какая прелесть. Почувствовав тяжесть на душе, Ху Ли отвернулся и недовольно буркнул: — Я же уже извинился!

— Между прочим, это была фотография моей матери.

— Откуда мне знать!

— Ты врёшь!

— Ничего подобного!

В конце концов, доведённым до ручки оказался вовсе не Юэ Чэн, а сам Ху Ли. Бессильно опустив голову в знак признания своей вины, он сам предложил сходить к могиле матери Юэ Чэна и принести там извинения.

Юэ Чэн с довольным видом погладил Ху Ли по голове и с улыбкой произвел вердикт:

— Какой же ты всё-таки послушный ребёнок~

Не откладывая дело в долгий ящик, они сразу же переместились на кладбище, где покоилась мать Юэ Чэна. Глядя на человекоподобного лисёнка, который со всей искренностью стоял на коленях перед надгробием и приносил извинения, Юэ Чэн поймал себя на том, что в груди у него зашевелились какие-то тёплые пузырьки, поднимающиеся со дна с глухим бульканьем.

Его длинные рыжие волосы падали прямо на глаза, скрывая выражение лица. Но в самом сердце Юэ Чэн отчётливо ощущал: этот человек умудрился подарить ему то самое чувство, которое принято называть теплом.

Мда. Поразмыслив пару секунд, Юэ Чэн тоже опустился на колени и принялся о чём-то безмолвно молиться.

Когда Ху Ли поднялся на ноги, Юэ Чэн всё ещё продолжал что-то бормотать себе под нос.

— Эй, пошли домой.

— Угу. — Протянув руку, он потрепал по макушке стоявшего рядом юношу — волосы оказались на ощупь просто шёлковыми. М-м-м, великолепно!

Ху Ли с непривычки отпрянул в сторону, а на его щеках расцвел подозрительный розоватый румянец.

— О-хо-хо~ Наш лисёнок смутился~!

— _# Да сам ты смутился!

<http://bllate.org/book/24708/2912188>